

Основы христианской этики

I

Христианство немыслимо вне Церкви. Этика – философская дисциплина, регулирующая взаимоотношения людей в русле нравственных ценностей. Итак, христианская этика – это богословская этика, т.е. этика основанная на богословском осмыслении реальности. Есть и соответствующая дисциплина – нравственное богословие. Не будет ошибкой сказать, что это синоним христианской этики. Последняя всего лишь его вариант, только более приспособленный к недостаточно воцерковленному сознанию множества людей стремящихся к Богу. Стремящихся и даже в большинстве своем крещенных, но пока не готовых отрешиться от представлений, сформированных пропагандой безбожия на протяжении долгих лет (не только в XXв.), и пропагандой нравственного либерализма, отрицающего любой авторитет (в том числе и Божественный), что получило распространение сравнительно недавно. Их или пугают заповеди о всепрощении, нерасторжимости брака и др., или они эти заповеди просто игнорируют, мотивируя всевозможными надуманными утверждениями о якобы предопределенности одних людей к святости, других к греховной жизни.

Вот для того и существует этика богословская, или нравственное богословие, оно же христианская этика, чтобы мало помалу разъяснять народу Божию и всем, кто еще не возродился в Таинстве Святого Крещения: каковы нормы нравственной жизни не с точки зрения той или иной философской системы (это задача философской этики), а с точки зрения Божественного Откровения (то есть, с точки зрения Бога, как Он это счел нужным открыть людям).

С точки зрения цели можно сказать, что этика философская ограничивается человеческими взаимоотношениями, имея целью обустроить жизнь общества таким образом, чтобы все его члены при многообразии интересов не огорчали друг друга, но лишь радовали, и чтобы каждый мог выработать правильное отношение к себе и своей роли в конкретной ситуации. Этика богословская включает в себя эту цель, но имеет еще и другую – спасение души. Это как бы две цели, причем нельзя сказать, чтобы спасение было дальней, а взаимоотношения ближайшей из них. Спасение души – и конечная цель христианской жизни, и фундамент повседневного отношения к людям, точка опоры и отсчета в отношении к себе и ближнему.

Поэтому начнем знакомиться с христианской этикой с этого понятия – *спасение*. Для современного человека нередко это слово служит соблазном по причине неверно сложившегося стереотипа и как многие другие термины церковного словоупотребления вызывает идиосинкразию. От него как будто веет «мракобесием» средневековья, запугиванием адскими муками – сковородами, котлами со смолой и прочей чушью. То ли дело – терминология всевозможных оккультистов: «расширение сознания», «самосовершенствование», «трансмутация»... Вот это – «по-нашему»: «научно», «культурно», «цивилизованно».

Греческое слово *сотирия* происходит от глагола *созо*, последний же одного корня с прилагательным *сос*– здоровый. Отсюда *сотирия* означает оздоровление, как освобождение от болезни, от порчи. Спасение понимается как восстановление когда-то разрушенного человеком союза с Богом. Если мы говорим о спасении, тем самым соглашаемся, что нам есть от чего спастись, что состояние вне этого пути – состояние гибели, произошедшее по причине богоотступничества. Если мы говорим о спасении как об исцелении в христианском понимании, то мы имеем в виду исцеление духовное, оздоровление человеческой природы от поразившего ее насмерть греха и его последствий и дарование ей способности к вечной жизни. Поэтому, понимая под «погибелью» радикальное повреждение человеческой природы в грехопадении прародителей, лишившее род человеческий жизни вечной (не столько в смысле бесконечности, сколько вечной качественно, как присущей вечному Богу и невозможную вне тесного единения с Ним), под «спасением» понимаем восстановление этого единства путем возрождения в жизнь вечную в таинстве Крещения, и целенаправленного оздоровления богоподобной души в течение всей земной жизни. Необходимо помнить в течение всего земного пути, что «все усилие... и рачение у противника о том, чтобы прийти ему в возможность отвлечь ум от памятования о Боге, от страха Божия и от любви Божией, земными обольщениями и приманками отвращая его от истинно-доброто к мнимо-хорошему» (прп. Макарий Египетский).

Главное не утратить верных ориентиров, не забыть как цели (куда идем), так и признаков истинности и ложности маршрута. В этом отношении православная аскетика представляет огромную сокровищницу святоотеческой мудрости. Святые как бы являются нашими проводниками в небесное Отечество. Изучая их письменное наследие, мы обретаем представление как о добродетелях, которым следует посылно подражать, так и обо всех ухищрениях лукавого, и о средствах избежать повреждений и гибели вне спасительного пути.

Безусловно, в первую очередь, необходимо опираться на Евангелие как на основное путеводное средство, на заповеди Божии как основные указатели пути в Царство Небесное, помня, что один у нас Пастырь – Господь Иисус Христос. Иначе мы рискуем запутаться в святоотеческих поучениях. Но аскетическое наследие – это опыт, которым с нами делятся те, кто уже прошли евангельским путем до конца. Это опыт не только взлетов, но и глубочайших падений. Это опыт и окончательной гибели предавшихся отчаянию, и возрождения тех, кто не разуверился в своем спасении и в милосердии Божиим, несмотря ни на какие, попущенные Промыслом Божиим, искушения. Суть же святоотеческого понимания Евангелия и вытекающей отсюда аскетики прекрасно выразил свт. Василий Великий: «Если кто, определяя Евангелие, скажет, что оно есть предображение жизни по воскресении, то он, по моему мнению, не погрешит в верности понятия». И для того, чтобы подготовиться к ней (в чем состоит суть спасения) необходимо трудиться в богопознании. Человек духовно любознательный обязательно преуспеет в любви к Богу, себе и ближнему, что и составляет основу этики христианской.

II

Слово «этика» происходит от греческого слова «этос», которое можно перевести как обычай, обычный нрав, характер, образ мыслей, а также как жилище, обычное местопребывание людей. Таким образом «этос» обозначает нормативную систему, действующую в определенном круге – семье, народе, сословии, культурном слое, стране и т. д. Говоря о христианской этике, мы должны иметь в виду следующее: христианство – это как бы дом в доме. Не все население земли – христиане. Но все христиане – люди. Каждый христианин принадлежит по происхождению и воспитанию к какому-нибудь народу (совсем необязательно традиционно исповедающему христианство). А потому христиане как меньшая семья в большей общечеловеческой семье поставлены в положение *как бы* подчиненное, потому что этос меньшей семьи *как бы* автоматически ставится в подчиненное положение к этосу большей. И христиане, следовательно (рассуждая логически, но по-мирскому), должны подстраиваться под обычаи, вкусы, нравственные нормы и законы той среды, в которой они живут, из которой происходят.

Существует представление о так называемых «общечеловеческих ценностях», о «национальных интересах», о чести рода, семьи, наконец... И все это слоями окружает христианский этос. Хотя христианство всемирно, однако, христиане происходят из народов и слоев общества, чьи этические системы зачастую во многом не совпадают

между собой по многим параметрам – нравственным, культурным, сословным и пр. Как сохранить всеобщее, «неотмирное» и неотъемлемое единство христианского этоса и одновременно не погрешить против столь многообразного этоса «внешнего» мира? И возможно ли?

Возможно. Хотя и не абсолютно. А в известной степени конфликт между этосом христианским и этосом «внешним» (так будем называть вышеупомянутые «слои») даже неизбежен, объяснен и предсказан Спасителем: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15; 18, 19). И конфликт как будто даже заповедан (почему «как будто», скажу ниже): «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10; 34 – 38).

Можно еще много примеров приводить, из которых следует, что быть христианином, значит находиться в оппозиции ко всему миру. Тогда вопрос о взаимоотношениях с «внешним» этосом как бы сам собою решается: невозможно никакое общение и взаимопроникновение, но лишь отрицание нами всего, что ценно в мире, ибо это все – «тлен». В оправдание можно надергать множество цитат и примеров из Священного Писания, но это все будет формально хотя и верно, а все же односторонне.

Для начала рассмотрим вышеприведенные слова Христа из Евангелия от Матфея о разделении («не мир, но меч» и пр.). Слова эти часто интерпретируются в негативном смысле, искажающем замысел Спасителя. Для того, кто еще не проникся духом Евангелия, Господь Иисус Христос предстает эдаким властным и жестоким вождем-тоталитаристом. Ему как будто угодны разделения в семьях, а в Своей ревности Он абсолютно эгоистичен... «Дух лжи» еще не то может нашептать вам на ухо, если вы поддадитесь на первые его «блестящие толкования». Но как же следует понимать приведенный текст? Во-первых, только не в смысле того, что Ему угодны сами по себе разделения и что Ему приятна враждебность, являющаяся одновременно и одной из причин, и следствием разделений.

И Господь, и Его ученики, а также их преемники – все свидетельствовали словом и делом об ином, более глубоком и полном понимании этих слов. Господь не заповедует враждебность, не «программирует» конфликт, но лишь предсказывает. А

предсказывая, указывает образ отношения к миру и всему, что и кто в мире: не то, чтобы нельзя любить родных и близких – любить всех ближних заповедуется, а домашние первые из них, но нельзя любить их *более* Самого Христа.

Когда же домашние или обстоятельства жизни ставят условие «или-или» – приходится делать выбор. И этот выбор будет не просто между «больше-меньше», но между Отечеством Небесным и отечеством земным, между Царством Небесным и земной любовью к жене, мужу, детям, родителям, родственникам, друзьям, к самой родине. А разделения неизбежны, потому что не могут все друзья и родственники одинаково принять обращение одного из них ко Христу, к перемене в его убеждениях, образе мыслей и поведении. «Добро бы еще просто крестился, нынче это принято, так он ведь по этой своей вере жить начинает!...»

Кто-то последует за ним, а кто-то не последует. Одни, хотя и не последуют примеру новообращенного, но при этом не будут возражать против его выбора (а то и с одобрением отнесутся), однако другие отвергнут и веру, и самого новообращенного. И среди этих «других» могут оказаться самые близкие, самые дорогие люди. Это вовсе не значит, что Богу угодны разделения, разрывы, происходящие в семьях или между друзьями. Безусловно, нет! Но уж совсем неуютно Ему, чтобы тот, кто встал на спасительный путь, отказался от усыновления Богу ради угождения тем, кто сам пренебрегает благодатью Божией и других ревниво удерживает. Совершенно неуютно Богу, чтобы люди жертвовали небесным ради земного, чтобы смертное предпочитали, а Жизнь отвергали.

Разделениями «по-живому» изобилуют жизнеописания святых и примеры недавнего прошлого, а в какой-то степени и настоящего. Нередки в наше время случаи, когда, например, жена приходит к вере (обычно так, наоборот – гораздо реже), а муж не просто продолжает оставаться в прежнем состоянии, но всячески препятствует ее духовной жизни. Он ревнует ее ко всему и ко всем, так как чувствует, что в ее жизни появилось нечто ему не только не знакомое, но по отношению к чему он пока является посторонним. Так как он пока не принимает ее веры, то уже прежнее единство, в той степени, что раньше – невозможно. У его «второй половины» образовался как бы свой мир, в который ему доступа нет (пока). Не потому, что его не впускают, но потому, что туда невозможно войти не переменившись.

И тогда одно из трех: либо он вслед за женой приобщается к вере и становится во главе «малой церкви», каковой является христианская семья; либо смиряется с создавшимся положением и продолжает жить в любви и согласии; либо восстает против Бога, играя на чувствах жены по отношению к себе, к детям. В последнем

варианте тоже три возможности: продолжение совместной жизни (как правило, верующая сторона пытается и мир соблюсти, и церковной жизни не прерывать, но это истинное исповедничество); развод (когда кто-либо не может или не считает нужным больше выносить ненормальных отношений); богоотступничество.

Так возможно ли говорить о взаимопроникновении этоса христианского и «внешнего» без духовного ущерба? Безусловно, да. Но обычай внешний (национальные традиции, вкусы и убеждения, неписанные законы той или иной социальной или культурной среды, государственные законы) должен фильтроваться обычаем (этосом) церковным: всё, что противоречит заповедям Божиим и несовместимо со Священным Преданием – недопустимо в жизни христиан.

К сожалению, многое недостойное звания христианина все же укоренилось среди верующих как некая норма, освященная обычаем. Не перечислять всех языческих традиций, воспринимаемых повсеместно как традиции христианские. Пьянки на могилах, которые близко не похожи на благоговейное поминовение усопших, или гадания на Рождество, и многое другое – это все воровское проникновение духа мира сего в жизнь христиан.

Если говорить о сугубо этической стороне, и тут мы обнаруживаем невероятную путаницу в сознании многих религиозных людей. Сколько традиционных взглядов, несовместимых с христианскими идеалами смирения, всепрощения, любви... И это все воспринимается, как норма христианская, ведь «всегда так было», «отцы и деды так поступали», «все так делают»... Вспомните хотя бы кинофильм Тенгиза Абуладзе «Древо желаний» (чудовищную расправу над грешницей).

Другой достаточно известный итальянский фильм – «По закону чести». Фильм о том, как простая сицилийская семья становится заложницей местного этоса.

В семье рождается ребенок. Но зачат он был в то время, когда отец ребенка официально находился в Милане. Все единодушно осуждают мать, но только она и ее муж знают, что на самом деле он тайно побывал дома в тот период. Муж перед выбором: или признать, что ребенок его, и тогда его сажают в тюрьму по обвинению в убийстве, которое было совершено в селе именно в тот день, или поступить с женой согласно существующим понятиям о чести. За решетку, понятно, не хочется. Они изображают сцены ревности, из окон дома доносятся истошные вопли «прелюбодеицы» и удары, как бы ей наносимые – все это не удовлетворяет народного «праведного гнева». И, вот, чтобы не стать изгоем, муж убивает свою жену. Совершенный абсурд! Но до чего правдиво! Попирая и общечеловеческие нормы и заповеди Божии, он, боясь быть обвиненным в убийстве невинно, вначале молчанием

поддерживает клевету. Затем, когда общественное мнение настолько сформировалось, что все равно никаким его признаниям не поверили бы (полиция поверила бы со всеми вытекающими юридическими последствиями, но в глазах общества он все равно оставался бы рогоносцем, жена – прелюбодейкой, сын – ублюдком) он, ведомый «народной волей», совершает убийство невинной жены и отправляется-таки в заключение. Если бы он этого не сделал, их семья так и осталась бы под вышеупомянутым клеймом, а убил невинную женщину, – и люди на него смотрят как на «человека чести». И ведь все они считают себя христианами...